

СОБРАНИЕ
ТВОРЕНИЙ

ПРЕПОДОВНЫЙ
ЕФРЕМ
СИРИН

— ♦ —
Моли́тва

преподобный Ефрем Сирин
Собрание творений. Молитва

«Сибирская Благовонница»

2016

УДК 281.9
ББК 86.37-2

Сирин п.

Собрание творений. Молитва / п. Сирин — «Сибирская
Благовонница», 2016

ISBN 978-5-906853-28-8

«Столп Церкви, великий отец и вселенский учитель, пророк сирийский, солнце сирийское, духовный философ и глубокий ученый, витийственные уста и цитра Святого Духа» – так возвышенно отзывается о святом преподобном Ефреме Сирине его современник, святитель Григорий Нисский. В чтении его творений с древности и до наших дней православные люди, стремящиеся к духовному преуспеянию, находили и находят обильный источник назидания. Издательство «Сибирская Благовонница» начинает издание творений преподобного Ефрема. В данную книгу вошли слова о молитве, молитвы, сочиненные преподобным, а также беседы, приписываемые преподобному Ефрему, и знаменитые «Надгробные песнопения».

УДК 281.9
ББК 86.37-2

ISBN 978-5-906853-28-8

© Сирин п., 2016
© Сибирская Благовонница, 2016

Содержание

От редакции	7
Предисловие к первому изданию творений преподобного Ефрема Сирина на русском языке	8
Жизнь святого преподобного Ефрема Сирина	9
Конец ознакомительного фрагмента.	24

**Преподобный Ефрем Сирин
Творения. Молитва**

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС Р15-405-3068
ИС Р15-532-3507

Печатается по: Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина: В 8 т. Серг. П., 1895–1914.

От редакции

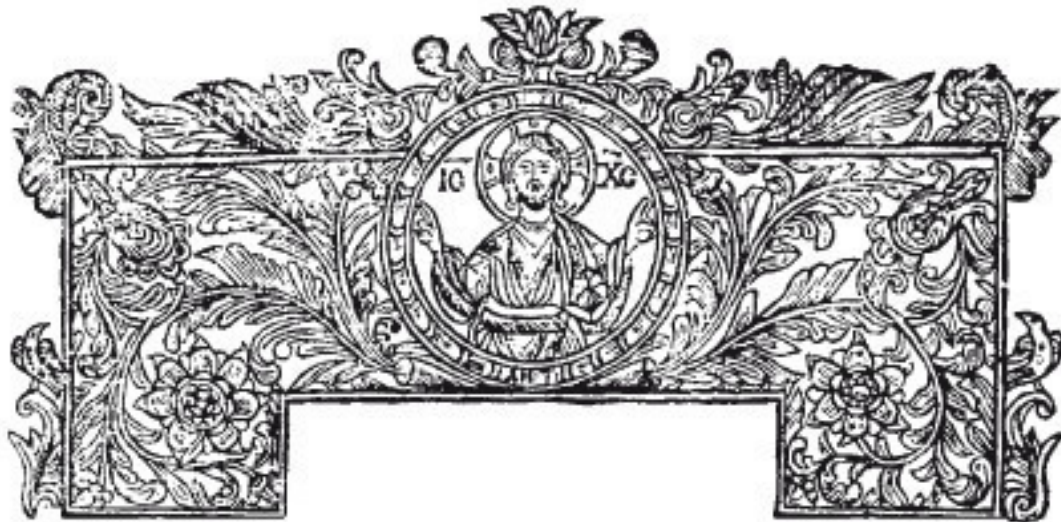
Издательство «Сибирская Благовонница» подготовило издание собрания сочинений одного из величайших учителей Церкви, знаменитого сирийского подвижника, христианского богослова и поэта преподобного Ефрема Сирина. Преподобный Ефрем – необыкновенно плодотворный писатель, число его творений достигало тысячи, и это даже если исключить из них составленные им молитвы, отчасти получившие богослужебное употребление. Еще при жизни преподобного Ефрема его слова и беседы были переведены на греческий язык и читались в церквях наравне со Священным Писанием.

Говоря о творениях своего сирийского современника, святитель Григорий Нисский в своем «Похвальном слове преподобному отцу нашему Ефрему Сирину» сравнивает его с мысленным Евфратом Церкви, который орошает множество христианских душ, возвращая в них семя веры, а также с виноградной лозой, которая, как сладкими гроздами, изобилует плодами учения и услаждает всех членов Церкви полнотой Божественной любви.

До сих пор звучит голос этого сирийского подвижника в его творениях, призывая нас к покаянию, к борьбе со своими страстями, в возделыванию добродетелей и одновременно ободряя нас великой Божией любовью и милосердием к людям.

Мы разделили все творения преподобного Ефрема по темам. Темой этой книги является молитва. Ею объединены вошедшие в нее слова и беседы. Здесь же мы публикуем также составленные преподобным молитвы к Господу и Пресвятой Богородице, в которых излилась его боглюбивая душа, а также «Надгробные песнопения», в которых автор призывает к молитвам за умерших в непоколебимом уповании на милость Исккупителя всех Господа нашего Иисуса Христа.

Предисловие к первому изданию творений преподобного Ефрема Сирина на русском языке

Этот очерк¹ принадлежит А. К. Соколову, бакалавру Московской духовной академии, скончавшемуся в 1881 году в сане протоиерея московской Свято-Троицкой церкви, иже на Грязех. Он был помещен в первом издании творений святого преподобного Ефрема Сирина, вышедшем в 1818 году.

Сведения о жизни преподобного Ефрема заимствованы автором, во-первых, из сочинений, в которых сам святой Ефрем повествует о некоторых происшествиях своей жизни: «Обличение самому себе и исповедь»; во-вторых, из «Похвального слова преподобному Ефрему», автором которого является святитель Григорий Нисский, а также из рассказов некоторых других греческих писателей; в-третьих, из сирийских жизнеописаний святого Ефрема – краткого и двух пространных, которые имеют некоторые отличия друг от друга.

Очерк приводится с малозначительными изменениями. Для удобства восприятия он разбит нами на два раздела: Жизнь святого преподобного Ефрема Сирина и Творения святого преподобного Ефрема Сирина.

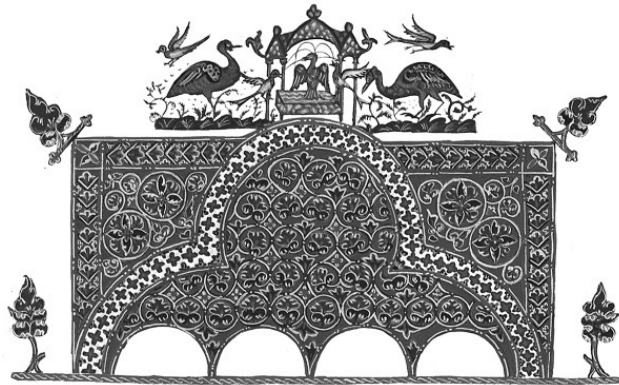

---

¹ Приводится с немногими сокращениями, поправками и дополнениями, сделанными профессором М. Д. Муретовым на основании сличения сирийского жизнеописания святого Ефрема, приведенного в сирийских творениях преподобного Ефрема, изданных в Риме (*Acta S. Ephraemi Syriaca*, по Ватиканскому кодексу XI века. Р. XIII–LXIII), с существенно сходным с ним, но имеющим и некоторые важные отличия сирийским жизнеописанием святого Ефрема в Парижском (в Национальной библиотеке) кодексе XIII века (изданном в *Sancti Ephraemi Syri Hymni et Sermones, quos codd Londinensibus, Parisiensibus et Oxoniensibus edidit Thomas Iosephus Lamy Moechliniae. T. I–III*), том II, под заглавием: *Historia S. Ephraemi doctoris Syri. C. 3–90*, а также на основании многих (после Римского издания), частично вновь напечатанных, частично же ставших известными позже творений святого Ефрема.

Жизнь святого преподобного Ефрема Сирина

Преподобный Ефрем Сирин родился, вероятно, в первых годах IV столетия, в Низибии, главном городе северо-восточной части Месопотамии, или в окрестностях его. Предки его, как сам он свидетельствует, были нищими, которые питались милостыней; деды уже стали земледельцами и жили в достатке; родители также были земледельцами и находились в родстве с незнатными городскими жителями. Но незнатность рода вознаграждалась христианскими добродетелями и попечительностью родителей о воспитании своего сына в страхе Божием. Сам преподобный Ефрем так говорит о летах своей юности: «Я был уже причастником благодати – от отцов получил наставление о Христе. Родившие меня по плоти внушили мне страх Господень. Видел я соседей, живущих в благочестии, слышал о многих, пострадавших за Христа; отцы при мне исповедали Его перед судьей, я родственник мученикам»².

Еще в первые годы жизни Ефрема Бог показал будущее величие дитяти в знаменательном видении или сне, вследствие которого, может быть, он и назван был Ефремом, то есть «плодоносным». Было открыто, что на языке дитяти выросло виноградное дерево, которое так, наконец, разрослось, что ветвями своими покрыло всю землю, и было так плодоносно, что чем более птицы питались плодами его, тем более умножались плоды.

Но лета юности не прошли для Ефрема без некоторых преткновений. От природы пламенный, он был раздражителен, а в юной плоти по временам возбуждались нечистые желания. В таких чертах представлял впоследствии сам Ефрем первые годы своей юности, хотя, без сомнения, в его изображении нельзя не заметить того глубокого смирения, которое составляло отличительную черту его характера в иночестве. «Еще в молодых летах, – говорит он в своем «Обличении», – произнес я обет; однако же в краткие эти годы был я злоязычен, бил, ссорил других, препирался с соседями, завидовал, к странному был бесчеловечен, с друзьями жесток, с бедными груб, из-за маловажных дел входил в ссоры, поступал безрассудно, предавался худым замыслам и блудным мыслям, даже и не во время плотского возбуждения». А пылкость молодого, еще незрелого ума, усиливающегося постигнуть то, что выше его сил, или легкомыслие молодости вовлекли его в некоторые сомнения относительно Промысла Божия». «В юности, – говорит он в «Обличении самому себе», – когда жил я еще в миру, нападал на меня враг; и в это время юность моя едва не уверила меня, что совершающееся с нами в жизни случайно. Как корабль без руля, хотя кормчий и стоит на корме, идет назад или вовсе не трогается с места, а иногда и опрокидывается, если не придет к нему на помощь или ангел, или человек, – так было и со мной».

---

² «Обличение себе самому и исповедь».

Но Промысл Божий не оставил без вразумления колеблющегося юношу, и следующие события, рассказанные самим Ефремом далее в том же слове с глубоким сокрушением, послужили ему вразумительным уроком о Промысле и переходом к новому образу жизни. Однажды, по приказанию родителей отправившись за город, Ефрем запоздал и остановился ночевать в лесу вместе с пастухом овец. Ночью напали на стадо волки и растерзали овец. Когда пастух объявил об этом хозяевам стада, те не поверили и обвинили Ефрема в том, что он привел воров, которые расхитили овец. Ефрем был представлен судье. «Я оправдывался, – говорит он, – рассказывая, как было дело. Вслед за мной был приведен некто, пойманный в прелюбодеянии с одной женщиной, которая убежала и скрылась. Судья, отложив исследование дела, обоих нас вместе отослал в тюрьму. В заключении нашли мы одного земледельца, приведенного туда за убийство. Но и приведенный со мной не был прелюбодеем, и земледелец – убийцей, равно как и я – похитителем овец. Между тем взяты под сохранение по делу земледельца – мертвое тело, по моему делу – пастух, а по делу прелюбодея – муж виновной женщины, поэтому их и стерегли в другом доме.

Проведя там семь дней, на восьмой вижу во сне, что кто-то говорит мне: “Будь благочестив – и уразумеешь Промысл; перебери в мыслях, о чем ты думал и что делал, и по себе познаешь, что эти люди страдают не несправедливо; но не избегнут наказания и виновные”. Итак, пробудившись, стал я размышлять о видении и, отыскивая свой проступок, вспомнил, что однажды, будучи в этом же селении, на поле, среди ночи, со злым намерением выгнал я из загона корову одного бедного странника. Она обессилела от холода и оттого, что была непраздна; ее настиг там зверь и растерзал. Как только я рассказал заключенным со мной этот сон и свою вину, они, возбужденные моим примером, начали рассказывать о своих: поселянин – что видел человека, тонувшего в реке, и мог ему помочь, однако же не помог, а городской житель – о том, что присоединился к обвинителям одной женщины, оклеветанной в прелюбодеянии. “Она, – говорил он, – была вдова; братья ее, возведя на нее вину эту, лишили ее отцовского наследства, дав из него часть мне, по условию”. При этих рассказах начал я приходить в сокрушение, потому что в этом было некоторое явное воздаяние. И если бы все это произошло только со мной, можно было бы сказать, что все это случилось со мной по человеческим причинам. Но нас троих постигла одна и та же участь. И значит, есть некто четвертый, отмститель, который не в родстве с терпящими напрасную обиду и незнаком нам, потому что ни я, ни они никогда не видели его, – так как я описал им наружность того, кто явился мне во сне. Заснул я в другой раз и вижу, что тот же говорит мне: “Завтра увидите и тех, из-за кого терпите вы обиду, и освобождение от возведенной на вас клеветы”».

На другой день действительно представлены были градоначальнику вместе с Ефремом и другими товарищами его по заключению еще пять человек, обвиняемых в разных преступлениях. Из них двое были братьями оклеветанной вдовы и взяты в темницу за другие, действительно ими совершенные преступления, а трое остальных были невиновны в том, за что были посажены в темницу, но, как сами они открылись Ефрему, были виновны в лжесвидетельстве. Исследование всех этих дел не могло быть скоро закончено. Между тем был назначен другой судья. Новый судья был знаком с родителями Ефрема и с ним самим, но Ефрем не сразу узнал его. Накануне того дня, когда всем заключенным надлежало предстать перед ним на суде, Ефрем снова увидел во сне говорящего: «На следующий день будешь ты освобожден, а прочие подпадут справедливому суду; будь же верующим и возвещай Промысл Божий». Действительно, на другой день судья рассмотрел дела обвиняемых, признал невинными посаженных в темницу по ошибке или злонамеренности и предал на съедение зверям уличенных или сознавшихся в злодеяниях.

«Судья, – говорит Ефрем, – велит также и меня вывести на середину. Хотя и сближала его со мной единоплеменность, однако же стал он осведомляться о деле по порядку и пытался выпросить у меня, как было дело об овцах. Я сказал правду, как все происходило. Узнав меня

по голосу и по имени, он приказал высечь пастуха для дознания истины, а потом освободил меня от обвинения, по прошествии без малого семидесяти дней. Знакомство же мое с судьей происходило оттого, что родители мои жили за городом с воспитавшими этого человека, да и я, по временам, имел у него жительство...

После этого, в ту же ночь, вижу прежнего мужа, и он говорит мне: «Возвратись в место свое и покайся в неправде, убедившись, что есть Око, над всем назирающее». И, сделав мне сильные угрозы, он удалился; с тех пор и доныне не видал я его».

Ефрем был верен наставлению явившегося. Еще в темнице дав обет посвятить всю свою жизнь покаянию, он вскоре оставил мир и удалился в окрестные горы к отшельникам. Между тем и в поздние годы он не переставал каяться в грехе юности и просить у других молитв перед Господом о прощении.

Жизнь отшельническая рано стала известна между христианами низибийскими. В окрестных горах, ныне называемых Синджар, пещеры служили жилищем подвижникам; растения и плоды, свободно произрастаемые землей, доставляли им пищу; молитва и богомыслие, не прерываемые шумом и суетой мирской, составляли их постоянное упражнение. Ученик преподобного Антония Великого Аон, или Антоний, принес первый пример жизни отшельнической из пустынь Египетских на крайний восток Римской империи и вскоре нашел здесь множество подражателей своему образу жизни. К числу их принадлежал и святой Иаков, епископ Низибийский, столь же известный своими отшельническими подвигами и чудесами, сколь и ревностью в распространении и защите правой христианской веры³. Для утверждения христианства в Персии он отправляется в эту страну, смежную с Низибией, а для ограждения православных от нечестивого учения ариан пишет на него опровержения, на которые ссылался святой Афанасий Александрийский в своем послании к епископам Египетским и Ливийским. Преподобный Ефрем вскоре стал учеником святого Иакова и строгим исполнителем правил жизни пустынножизненной, которые святитель свято соблюдал и среди многолюдного города.

Несчастный случай заключения в темницу произвел большую перемену в Ефреме. Вместо пламенного, но гневливого, любознательного, но колеблемого сомнениями юноши Ефрем становится смиренным и сокрушенным пустынником, день и ночь оплакивающим свои грехи и с благоговением поучающимся в законе Господнем. Пример святого Иакова довершил духовное образование его достойного ученика: уже в это время мы видим в Ефреме совершенную покорность путям Промысла и истинно подвижническую твердость в перенесении искушений.

В клире Церкви Низибийской был один человек, также по имени Ефрем. В некоторых источниках он называется экономом церковным. Опасаясь обличения своей преступной связи с дочерью одного из важных граждан низибийских, он научил соучастницу в грехе, чтобы она, когда сделаются явными следы ее преступления, возложила вину на соименного ему Ефрема, ученика епископа, который за свое благочестие уже приобрел себе любовь и уважение других. Наученная девица так и поступила. Когда ей нельзя было более скрывать свой позор, она указала своим родителям, как на виновника, на преподобного Ефрема. Скоро молва об этом распространилась по городу, и родители девицы вместе со многими другими обратились к епископу с обвинением на ученика его. Святой старец, убежденный в непротивном благочестии ученика, не хотел верить обвинению, не получив признания от самого Ефрема. Ефрем, уже опытом наученный не прекословить судьбам Промысла, наводящего искушения, пал к ногам епископа и сокрушенным голосом сказал: «Действительно, отец мой, я согрешил!» Вскоре после этого отец девицы принес к епископу младенца и при полном собрании клира отдал его Ефрему, сказав: «Вот твой сын, воспитывай его!» Тот, как бы действительно виновный, с горькими слезами взял младенца и перед лицом всех сказал: «Поистине, отцы мои, я согрешил!»

---

³ Жизнь святого Иакова, епископа Низибийского, описана Феодоритом, епископом Киррским, в его «Истории мужей боголюбивых». Память святителя Иакова Святая Церковь празднует 13 (26) января.

Но Господь, испытав покорность и твердость Ефрема в перенесении искушения, дал ему и средства выйти из испытания со славой, достойной его смирения. Он внушил беспрекословному страдальцу, что его добродетель не должна остаться помраченной в глазах людей, поношением порока, и Сам содействовал обличению виновного. Однажды, когда народ собрался в храм для богослужения, пришел и Ефрем с младенцем и, испросив у епископа позволения взойти на амвон, поднял вверх младенца и сказал ему: «Заклинаю тебя именем Господа нашего Иисуса Христа, открой истину, скажи: кто твой отец?» Младенец отвечал: «Ефрем, экононом церковный». Три раза сказав это, младенец умер. Тогда со слезами просили прощения у преподобного Ефрема все обвинявшие его, и с этого времени слава о его святости еще более распространилась.

Святой Иаков, более всех знавший о высоких достоинствах своего ученика, в 325 году взял его с собой в Никею на Первый Вселенский Собор, богомудрое изложение веры которого суждено было защищать Ефрему против лжеучителей⁴. Еще около двенадцати или тринадцати лет он пользовался наставлениями своего епископа. Упражняясь под его руководством в подвигах иноческих, строгим постом и молитвами очищая дух свой, он в то же время прилежно изучал слово Божие, приготовляемый и сам Духом Божиим к высокому служению Церкви в качестве учителя. Как глубоко сознавал он связь между жизнью христианской и знанием слова Божия, передает одно из его поучений: «Природа, – говорит он в «Слове подвижническом», – это земля, нами возделываемая, произволение – земледельатель, а Божественные Писания – советники и учителя, научающие нашего земледельателя, какие худые навыки ему искоренять и какие благие добродетели насаждать. Сколь бы ни был наш земледельатель трезвен и ревностен, однако же без учения Божественных Писаний он и не силен и не сведущ, потому что законоположение Божественных Писаний дает ему разумение и силу, а вместе с тем от собственных ветвей своих и благие добродетели, чтобы привить их к дереву природы: веру – к неверию, надежду – к безнадежности, любовь – к ненависти, знание – к неведению, прилежание – к нерадению, славу и похвалу – к бесславию, бессмертие – к смертности, Божество – к человечеству».

Преподобный Ефрем оставил своего наставника только тогда, когда тот оставил мир. Последнее благодеяние пастыря низибийского своему городу, оказанное во время нашествия царя персидского Сапора II, памятью народной так же приписывается и Ефрему, ученику святого Иакова. В 337 году персидский царь, услышав о кончине императора Константина и рассчитывая на слабость преемников его, вздумал овладеть пограничным укрепленным городом Низибией. Около двух месяцев продолжалась осада; жители начали терять надежду сохранить город. Святой Иаков воодушевлял всех своими молитвами и своими распоряжениями. А ученик его Ефрем, взяв благословение у епископа, взойдя на городскую стену и молитвой своей навел на войско персидское множество насекомых. В персидском стане все пришло в беспорядок. И животные, и люди не знали, чем защищаться от мучительного действия многочисленных врагов. Сапор принужден был немедленно снять осаду и без успеха возвратиться в свою землю.

После кончины святого Иакова, последовавшей в 338 году, Ефрем посетил родину матери своей, город Амиду, находившийся также в Месопотамии, и после кратковременного пребывания здесь предпринял путешествие в Эдессу. «Влекло его туда, – говорит святитель Григорий Нисский, – желание поклониться тамошней святыне, но прежде всего – желание найти ученого мужа, от которого он мог бы получить или ему сообщить плод ведения»⁵.

⁴ Именно на факте присутствия святого Ефрема на Первом Вселенском Соборе, подтвержденном в источниках, зиждутся расчеты года его рождения, о котором известно лишь, что оно произошло в царствование императора Константина (306–337). Исходя из того, что преподобный Ефрем должен был быть уже достаточно зрелым для того, чтобы присутствовать на Соборе, год его рождения обычно указывают как 306, то есть в год проведения Собора ему было около девятнадцати лет.

⁵ «Похвальное слово святому Ефрему».

Город Эдесса, славный в летописях христианства усердием своего владетеля Авгаря принять к себе Господа Иисуса Христа, гонимого иудеями, имел что представить благочестивому и любознательному поклоннику. Там хранилось ответное послание Христа Спасителя к Авгарю⁶. Оттуда сделался известным Нерукотворенный Образ Христов. Там был погребен сам благовестник, просветивший Авгаря верой, – апостол Фаддей. Христианская вера имела здесь больше своих последователей, нежели во многих других городах Римской империи⁷, и во время последнего гонения на христиан при Диоклетиане они искали себе убежища в Эдессе, так как в прочих областях империи их преследовали. Славу благочестия этого города составляло и то, что в окрестностях Эдессы процветала жизнь иноческая.

Эдесса славилась между городами Месопотамии и своим просвещением. Не знаем, какого именно ученого мужа желал видеть здесь преподобный Ефрем и нашел ли он его, но он мог встретить здесь людей, знакомых и со Священным Писанием, и с разными науками. Незадолго до того как он пришел в Эдессу, отсюда выбыл некто Евсевий, славившийся своей образованностью и впоследствии возведенный на кафедру Эдесскую. Евсевий происходил из благородного эдесского семейства; в молодых годах, по обычаю отечественному, как пишет Созомен, он изучал Священное Писание, а после того и науки, преподаваемые у эллинов, посещая тамошних учителей. Преподобный Ефрем не имел желания знакомиться с эллинской – языческой – мудростью, но изучение слова Божия было постоянной целью его духовных занятий.

Приближаясь к городу, Ефрем просил Бога, чтобы Он послал ему навстречу человека, с которым бы он для пользы души своей мог побеседовать на темы Священного Писания. Но в городских воротах он встретил женщину, наружный вид которой достаточно обличал ее недобрую жизнь и зазорное поведение. Смущенный такой встречей Ефрем подумал, что Господь не внял его молению. Между тем женщина, шедшая ему навстречу, остановилась и пристально смотрела на него. Это заставило его обратиться к ней с такими укоризненными словами: «Зачем ты, забыв стыд, смотришь не в землю, как следовало бы стыдливой женщине?» Женщина отвечала, что она должна смотреть на него, потому что жена от мужа взята, а вот ему надлежало бы смотреть не на нее, а в землю, потому что он, как муж, от земли взят. Ефрем удивился ответу женщины и прославил Бога, Который устами грешной жены сделал ему наставление и вразумил, что не должно пренебрегать и грешниками. «Если женщины этого города столь мудры, – подумал он, – то каковы же должны быть мужчины, населяющие его!»

Ефрем остановился в городе. Бедный странник вскоре должен был испытать неудобства своего положения среди разнородной толпы, но он умел извлекать для себя пользу из всего и все обращать во благо других. Принужденный трудами рук своих снискивать себе пропитание, он не почел для себя унижением наняться в работники к содержателю бани. По соседству с домом, в котором он поселился, жила одна женщина бесчестного поведения, которая один раз вступила с Ефремом в непристойный разговор, желая склонить его ко греху. Суровые слова, сказанные им на первое покушение женщины, только усилили ее бесстыдную наглость. Но Ефрем, предложив совершить грех посреди города, у всех на виду, тем самым искусно заставил ее сказать, что она стыдится людей, и воспользовался ее ответом, чтобы обратить ее на путь добродетели, и сильными словами сумел возбудить в ее сердце стыд и страх Божий. «Если мы, – сказал он, – стыдимся людей, то не более ли должны стыдиться и бояться Бога, Которому известны самые сокровенные мысли людей и Который некогда приидет судить всех и воздать

⁶ Оно приводится в «Церковной истории» Евсевия, епископа Кесарийского (Кн. I. Гл. 13). О письме Авгаря Христу упоминает преподобный Ефрем Сирин в своем «Завещании» и называет Эдессу городом, прославленным устами Его через апостолов.

⁷ Об этом свидетельствует святитель Иоанн Златоуст в похвальном слове мученице Домнике и ее дочерям. Владетели эдесские еще во II веке начали изображать на своей монете знамение креста. Церковный историк Созомен не усомнился написать, что город этот изначала всенародно исповедовал веру христианскую.

каждому по делам?» Тронутая этими словами, женщина молила преподобного наставить ее на путь добродетели и, по совету Ефрема, удалилась в один из ближних монастырей. Так же действовал Ефрем и на других. В городе еще были язычники. Все свободное время после молитвы и занятий по должности он употреблял на беседы с язычниками, заботясь об обращении их на путь спасения.

Среди таких трудов однажды встретил Ефрема какой-то благочестивый старец из соседнего с городом монастыря. Услышав беседу его с язычниками, инок удивился, найдя в таком месте и с такими людьми истинно христианского мудреца, и с некоторым огорчением спросил Ефрема: «Откуда ты, сын?» – как бы показывая, что ему надлежало бы быть не среди толпы порочных и неверных. Ефрем рассказал ему историю своей жизни. «Для чего же, – говорит ему инок, – будучи христианином, позволяешь себе оставаться в толпе язычников? Или ты намерен жить в миру?» Ефрем отвечал отрицательно, и тогда инок посоветовал ему вступить в один из монастырей в окрестностях Эдессы и начать жить под руководством какого-либо мудрого старца. Ефрем объявил, что жизнь иноческая есть единственное его желание, и последовал за иноком в гору, где обитали иноки⁸.

Эдесса, так же как и Низибия, имела своих великих подвижников, главное занятие которых состояло в молитвах, псалмопении и славословии Бога, которые не имели другого убежища, кроме пещер, не употребляли и обыкновенной пищи, а питались единственно растениями. С такими людьми скоро могла сблизиться душа пустыннолюбивого Ефрема. Он нашел себе друга в одном из таких подвижников, Иулиана, близкого ему и по келье, а еще более по духу, столь же сокрушенному, как и у Ефрема, и столь же неослабному в подвигах. Умиленно благоговейное сокрушение, с которым читал слово Божие этот старец, с пути погибели обращенный благодатью Божией. «Однажды, – говорит преподобный Ефрем, – придя к Иулиану, я увидел, что книги его не только мокры, но там, где встречаются слова “Бог”, “Господь”, “Иисус Христос” и “Спаситель”, буквы почти изглажены. Я спросил его: “Кто так испортил книги?” – “Не скрою от тебя ничего, – отвечал Иулиан. – Когда грешная жена приблизилась к Спасителю, она омыла ноги Его своими слезами и власами главы своей отерла их; так и я, где нахожу написанным имя Бога моего, орошаю его слезами, чтобы получить от Него прощение грехов моих”. – “Бог благ и милосерд, – сказал я ему, – Он примет твое благое расположение, но, – прибавил я дружески, – прошу поберечь книги”»⁹.

Ефрем и сам в уединении пещеры не переставал заниматься словом Божиим, черпая из него умиление и мудрость. Но сокровища его познания по большей части оставались скрытыми от других, по смирению Ефрема. Вскоре тот же прозорливый старец, который привел Ефрема к инокам одесским, открыл в нем богопросвещенного наставника. Старец поведал братии, что однажды ночью, выйдя из своей пещеры, он увидел лик ангелов, блистающих небесным светом. Один из них держал в руках большую книгу или свиток, снаружи и внутри исписанный, и, обращаясь к другим, говорил: «Кому, думаете, я отдам эту книгу?» И когда одни указывали на Иулиана, вероятно, того подвижника месопотамского, который во время господства арианского был опорой православных в Антиохии¹⁰, другие на других, ангел сказал: «В настоящее время никто столь не достоин этой книги, как Ефрем Сирин», – и тут же вложил в уста его таинственную книгу. Это видение, напоминающее собой в некоторых чертах видение, бывшее пророку Иезекиилю (см.: Иез. 2, 8–3, 3), может быть, и дало Ефрему наименование пророка сирийского. Оно вызвало Ефрема на труды для общественной пользы.

⁸ Кто был этот старец, склонивший Ефрема к пустынноческой жизни, неизвестно.

⁹ Жизнь Иулиана написана самим преподобным Ефремом.

¹⁰ Святитель Иоанн Златоуст, желая представить образец совершенства христианского, указывает на этого Иулиана.

Ефрем начал писать толкование на Пятикнижие Моисея¹¹. Уже написано было изъяснение на Книгу Бытия, как посетил его тот же старец. Прочитав написанное и усмотрев в творении Ефрема обилие благодати Божией, излившейся на него, старец пришел в удивление и еще более уверился в истинности бывшего о нем видения. Взяв у Ефрема рукопись, старец показал ее клиру одесскому и ученым лицам в городе. Все разделяли со старцем удивление перед мудростью писателя и, считая виновником этого труда самого старца, благодарили его. Старец принужден был объявить имя действительного писателя и, желая еще более уверить всех в справедливости своих слов, рассказал о видении, бывшем ему о Ефреме. Это привлекло общее внимание к иноку, до тех пор неизвестному; его начали посещать.

Для смиренного инока тяжела была слава; любовь к уединению не могла примириться с многолюдством приходящих, и Ефрем решил оставить свою пещеру и скрыться на горе, находившейся недалеко, в густом лесу. Но Богу не угодно было его бегство от народа, которому он был нужен. На пути явился ему ангел и сказал: «Смотри, чтобы к тебе нельзя было приложить сказанного в Писании: *Ефрем – обученная телица, привычная к молотбе* (Ос. 10, 11). *Зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике* (Мф. 5, 15)». Покорный воле Божией, Ефрем не только возвратился обратно, но и стал посещать город. Его духовная опытность и ревность о благочестии сделала его наставником иноков, а нужды Церкви – помощником пастырей эдесских, особенно в борьбе с еретиками.

«Вера рождает добрую мысль, а добрая мысль – река воды живой. Кто приобрел ее, тот наполнится водами ее»¹². Эти слова преподобного Ефрема справедливо могут быть приложены к нему самому. Душа его, напоенная живой водой слова Божия, изливалась неудержимым потоком умилительных наставлений. Согретые живым чувством, исходившие от полноты сердца, освященного благодатью Божией, слова его были исполнены помазания духовного. Чудно плодились в устах его самые убедительные увещания, трогательные обличения самого себя и других, мудрые правила и советы, и часто, неожиданным полетом, благоговейная мысль его возносилась к Богу, Вечному, Благому, чтобы исповедать славу Его любви беспредельной или просить у Него прощения грехов. Примеры и изречения библейские, опыты из жизни подвижнической, притчи и сравнения из царства природы – все было готово и являлось само собой в его простых, безыскусственных беседах.

В кругу иноков Ефрем чаще всего беседовал об обязанностях иноческих. Для некоторых писал и особые наставления, давал ответы на предложенные вопросы, предлагал уроки и новоначальным инокам, и настоятелям. Замечая ослабление правил строгой монашеской жизни, он старался восстановить прежнюю ее чистоту. Стоя на высоте совершенства духовного, он желал возвести и всех туда же. Так, в одной беседе, говоренной, вероятно, в первые годы его пребывания между эдесскими иноками, напоминая о бедствиях, постигших страну, – о землетрясениях¹³ и опустошении от персов¹⁴, – он призывал своих слушателей к исправлению и указывал им на высокие древние образцы. «Отцы наши, – с болезнью сердечной говорил он, – как светила осияли всю землю; по причине высокого и чистого жития их самые враги сделались их подражателями... Наше же учение, оставив прямые пути, идет по стремнинам и местам негладким. Ибо нет человека, который бы ради Бога оставил имя и для вечной жизни отрекся от мира. Нет ни кротких, ни смиренных, ни безмолвных. Никто не воздержи-

¹¹ Здесь, вероятно, имеется в виду то пространное толкование на некоторые места Книги Бытия, которое в сирийском издании помещено вместе с объяснениями Иакова Эдесского после краткого толкования на всю Книгу, потому что, как сам Ефрем говорит в начале этого толкования, он писал его после пространного, по просьбе своих друзей. Это, однако же, не был первый труд святого Ефрема. По свидетельству Бар-Гебрея, уже во время Никейского Собора святой Ефрем начал составлять стихотворения против тогдашних еретиков.

¹² «В подражание притчам».

¹³ О страшных землетрясениях на Востоке в 341–343 годах упоминают весьма многие историки.

¹⁴ Нападение персов на Низибию последовало в 338 году.

вается от оскорбления, никто не терпит злословия... Земля, приходя часто в страх от лица Господня, колеблется под нами к устрашению нашему, а мы и этого не убоялись. Города поглощены и селения опустошены гневом Божиим, а мы и того не устрашились. Воздвигнуты брани персами и варварами, и опустошили нашу страну, чтобы мы, убоясь Бога, пришли в раскаяние, но и это нас не изменило...»¹⁵

С той же целью, чтобы возбудить ревность к подражанию первым пустынножителям, он не раз изображал в беседах своих правила и образ жизни «отцов скончавшихся».

Не менее заботила Ефрема судьба православия в Церкви Эдесской, которая, по значению города и кафедры Эдесской, могла иметь влияние и на всю Месопотамию. Тогда как в других странах пали или ослабели гностические (примирияющие христианство и язычество) лжеучения, волновавшие Церковь во втором столетии, в Сирии, Палестине и вообще в смежных с Месопотамией областях еще в IV столетии было очень много последователей лжеучения Маркиона. Так, в Эдессе еще держалась секта Вардесана, последователя Валентина и Маркиона; кроме него лжеучение Манеса, распространившееся из Персии, также оставило свои следы в Месопотамии. В IV веке ей не только угрожала общая болезнь времени – зараза арианства, но уже в самой Месопотамии возникли и отсюда распространились по другим странам заблуждения Аудия и мессалиан.

Вардесан, ученый эдесский, живший при дворе владетеля озроенского Авгаря, сына Маанова (152–187), известен своей борьбой против учения астрологов о влиянии планет на нравственное состояние людей и даже против Маркиона¹⁶; но вместе с тем он и сам проповедовал учение о двух началах: о Боге Непостижимом и о материи вечной, об исшедших из Божества зонах и их сочетаниях, об устройении ими мира и человека и о пришедшем для искупления человека в одном из эонов Христе в видимой, но не вещественной, а небесной плоти, и прочее. Чтобы привлечь к себе народ, он излагал свое учение в поэтической форме; написанные увлекательным языком, изобретенным самим Вардесаном размером, песни его, равно как и песни сына его Гармония, получившего образование в Афинах, распространили его учение даже за пределы Месопотамии и надолго укоренили его заблуждения.

Для того чтобы рассеять заблуждение, достаточно было противопоставить ему истину.

Но для привлечения заблуждающихся к истине Ефрем считал необходимым облечь ее в те же приятные формы, какими прикрывалось заблуждение. Поборнику истины нетрудно было усвоить простую метрику стиха Вардесана. Богатые природные дарования, постоянная возвышенность духа Ефрема, неистощимо обильное чувство, навык представлять свою мысль в светлых и выразительных образах, то же чистое наречие, на котором писал Вардесан (из трех известных наречий сирийского языка эдесское считалось лучшим), – все это обещало успех предприятию. Остальное довершит сила истины и дух благодати, изливавшийся во всех словах святого поэта.

Сколь ни тяжело, сколь ни оскорбительно было для святого чувства строгого инока знакомиться с хульными мнениями лжеучителя и читать в его песнях грубые изображения сладострастной фантазии, но Ефрем не отрекся от горького труда, чтобы тем вернее поразить своего противника. «Я нашел, – говорит он в одном из своих песнопений, – книгу Вардесана и смущен был на время скорбью, потому что она осквернила мой слух и сердце зловонием своих хулений. Я слышал в стихах его хулы и в его чтениях – злословия... Для рассеивания мрака заблуждений, которые раздавались у меня в ушах, я обратился к Священному Писанию».

Вардесан не отвергал ни ветхозаветных, ни новозаветных книг Писания, поэтому Ефрем находил достаточным изложить в своих песнопениях только чистое учение слова Божия о Боге и Его отношении к нам, чтобы обличить суемудрие и лжетолкования еретика. Воодушевляе-

¹⁵ «Слово подвижническое».

¹⁶ См.: *Евсевий*. Церковная история. Т. IV. С. 30.

мый ревностью к истине, он смело предаёт позору и проклятию тайны мнимой мудрости Вардесана и от скопищ еретических призывает в недра Церкви – хранительницы чистого учения. «Мы не полагаем упования нашего в семи планетах, в которые верует Вардесан, – говорит Ефрем в одном из своих песнопений. – Да будет проклят, кто будет говорить, как Вардесан говорил, что от них исходят дожди и роса, снег и голод, семена и плоды земледельцам, что от них голод и изобилие, лето и зима. Да будет анафема тому, кто отверг твердое упование на Господа, усвоит всемогущество семи планетам и на них полагает упование. Да будет проклят читающий Писания и противоречащий им, читающий апостолов и противящийся их учению. Блаженна ты, Церковь верных, ибо Царь царей утвердил в тебе Свое жилище. Твои основания никогда не поколеблются, ибо Господь – Страж твой: и врата ада не одолеют тебя, и хищные волки не смогут сокрушить или ослабить твоей крепости. О, как велик ты, дом Божий! Как ты прекрасен! Как великолепно ты, дочь народов!»

Так как лжеучение Вардесана в некоторых пунктах сходилось с еретическими мнениями Маркиона и Майеса, то часто Ефрем, опровергая одного, касался также и других. Например, когда говорил против вечного существования материи, против учения о причине зла в материи, о раздроблении Божества на зоны.

Оружие, избранное Ефремом для поражения ересей гностических, оказалось правильным. Народ с жадностью внимал песнопениям святого отшельника и забывал песни Вардесана. Поэтому Ефрем употребил то же оружие и против новых лжеучений, распространившихся в IV столетии. Под покровительством Констанция многие престолы епископские на Востоке были заняты арианами. Лжеучители, восставшие против Божества Иисуса Христа, дошли, наконец, до такого безумия, что Самое Божество не считали для себя непостижимым. С гордым презрением к смиренной вере, которая не дерзает переступить за указанные человеку пределы, они утверждали, что, признавая существо Божие, а равно и образ рождения Сына от Отца неведомым, нельзя именоваться и христианином. «Вы не знаете, кому кланяетесь», – говорили они в упрек верующим. Провозвестниками таких ложных и вредных начал были Аетий и ученик его Евномий. Сверх того, господство ариан на Востоке сопровождалось множеством разделений и распрей церковных¹⁷. Все это отвлекало внимание от предметов, касающихся жизни христианской, и святое дело – благоговейное размышление о тайнах Божественных – часто обращалось в предмет праздного, а иногда и нечестивого суесловия.

С горестью сердца смотрел на такое несчастное положение дел преподобный Ефрем; с пламенной молитвой обращался он к Господу, чтобы Он умиротворил Свою Церковь. А чтобы заразительная болезнь, свирепствовавшая в Сирии, не коснулась и его страны, он дал в своих песнопениях предохранительное и вместе с тем целебное против нее врачевство¹⁸. Оплакивая бедственное состояние Церкви, он говорил: «Призванные в Церковь спорят и перед лицом истины обращаются к праздным вопросам; зависть и ревность ожесточили людей; в бешенстве они поражают друг друга – но и звери хранили мир в ковчеге Ноевом! Под предлогом защиты истины напрягают лук, мечут стрелы; страсть к прениям и ссорам стала колчаном, всегда готовым давать стрелы сражающимся. Лукавый враг посмеялся над простотой и неопытностью: отведя людей от истинного учения, запутал их неразрешимыми вопросами; возбудил в них стремление к недоступному для них знанию, чтобы отвлечь от дозволенного занятия полезным учением. Занимаются Писанием – но не для того, чтобы, читая, преуспевать в благочестии, а для того, чтобы свободнее проповедовать свои заблуждения и быть искуснее в спорах. Неразумные люди удалились от столпов путеводительных и, чтобы блуждать беспре-

¹⁷ Как это весьма живо изобразил святитель Василий Великий в своих письмах и в книге «О Духе Святом».

¹⁸ Ряд этих песнопений, числом восемьдесят, надписывается «Против пытливых исследований». Сюда же относятся семь песнопений «О жемчужине» и три «О вере».

пятственное, обратились в дебри и пустыни. Но только тому дано будет узреть Царя и получить от Него воздаяние, кто верно будет идти путем царским»¹⁹.

Неоднократно в подтверждение своих обличений Ефрем указывал на грозные суды Божии – губительные нападения персов. «Дело ясное, сами видите, как наказывает нас Бог посредством нечестивых, – говорит он в одном из своих песнопений. – Вместо того чтобы быть пшеницей, мы стали пылью, и вот, внезапный сильный ветер от Востока развеял нас. Мы не искали спасения в едином убежище спасения, и нас не спасли самые укрепленные города. Наши пастыри из суетной славы стремились к высшим степеням – и вот, они лежат поверженные на земле или отводятся в страну магов»²⁰.

Особенно Ефрем восставал против дерзких покушений суемудрия постигнуть непостижимое. Бесконечность Божества и ограниченность ума человеческого, тайны мира духовного и тайны природы видимой, свидетельство слова Божия и голос собственного сознания каждого – все приводит он к тому, чтобы уверить в безрассудстве тех, которые усваивают себе или мечтают приобрести знание сокровенного существа Божия. «Спроси мудрых и взвесь внимательно слово их: есть у человека другая душа – вера (а не знание). Тело оживляется духом, а дух – верой; без веры он труп»²¹.

Не довольствуясь этим, Ефрем внес в свои песни духовные и разрешение обыкновенных возражений ариан против учения о Божестве Иисуса Христа. «Мудрый исследователь, – говорит он в одном месте, – умеет восстановить согласие между такими местами Писаний, которые людям безрассудным кажутся противоречащими; соединяет их, своим разумением соглашая разногласное, и водворяет мир между раздраженными слушателями». И сам выполнил этот долг.

О том, как глубоко действовали наставления ревностного защитника православия на жителей Эдессы, лучше всего может свидетельствовать следующее событие, зафиксированное историками Церкви. Когда Валент, покровительствовавший арианам, в 373 году изгнал из Эдессы православного епископа Варсу, тогда православные отреклись от всякого с ним общения и устраивали свои молитвенные собрания за городом. Вскоре прибыл в Эдессу Валент и приказал префекту претории Модесту разогнать их, в случае нужды даже оружием. Но когда Модест отправился исполнять такое повеление, ему перебежала дорогу одна женщина с младенцем на руках. «Куда спешишь ты?» – спросил ее префект. «Я узнала, – отвечала женщина, – о замыслах ваших против рабов Божиих и потому спешу к своим единоверцам, чтобы вместе с ними принять от вас смерть». – «Зачем же с тобой ребенок?» – спросил ее тогда Модест. «Для того чтобы и он был участником вожделенной смерти», – сказала ревнительница веры. Такой ответ слабой женщины ясно показывал, чего можно ожидать от прочих сынов Церкви Православной. Модест немедленно донес об этом Валенту, и приказание было остановлено; Валент только повелел сослать в заточение до восьмидесяти восьми человек из клира эдесского. Такой твердостью в исповедании православной веры и готовностью умереть за нее жители Эдессы, без сомнения, были обязаны живому одушевлению песнопений пророка сирийского.

В некоторых песнопениях преподобный Ефрем касается и других лжеучений, возникавших в Церкви, но по большей части мимоходом. К числу таких принадлежат и заблуждения Аудия и мессалиан. Аудий (по-сирийски – Удо) около 340 года сделался известным в Месопотамии как лжеучитель, проповедуя свои антропоморфические представления о Божестве. Грубо понимая слова Писания о первом человеке, созданном по образу и по подобию Божию, и опираясь на те места Священной Книги, где образно приписываются Божеству члены тела и

¹⁹ «Против пытливых исследователей».

²⁰ Там же. Вероятно, преподобный Ефрем разумеет здесь взятие Амиды и других крепостей, построенных римлянами, в 359 году.

²¹ Там же.

действия человеческие, он утверждал, что и Бог имеет тело. Можно думать, что одно из песнопений преподобного Ефрема, где объясняется библейский, человекообразный образ выражения о Божестве, направлено было к рассеиванию этого заблуждения, хотя здесь и не встречается имя Аудия. «Восхвалим, – говорит он, – Того, Кто усвоил Себе именование наших членов: ушей – чтобы мы знали, что Он слышит нас, очей – чтобы знали о Его пребывании с нами и умели смотреть за собой», – и так далее²².

Заблуждения Аудия, хотя и грубые, были не столь опасны, как появившееся в Месопотамии лжеучение мессалиан, или, как их же называли по-гречески, евхитов. Их мнимодуховное направление вело к разрушению существенных оснований Церкви. Отвергая силу таинства Крещения, они приписывали освобождение человека от злых духов единственно молитве внутренней; в ней только они находили средство к привлечению Святого Духа в человека; облагодатствованному, наделенному благодатными дарами человеку, таким образом, они усваивали полную свободу от греха и от всех подвигов борьбы с грехом, созерцание Божества и ведение будущего. Такие вредные мнения проповедовали в Эдессе Аделфий, Евстафий и другие лжеучителя.

Преподобный Ефрем укоряет мессалиан в праздности и развращении²³; все исследования о них, которые производились потом на Соборах в Малой Азии и Сирии, совершенно оправдывают такой отзыв. Мнимые «молитвенники» не хотели заниматься никаким трудом, и праздность, с их ложным убеждением

в своей святости, приводила их к разным порокам. Но невероятно, чтобы ревнитель истины удовлетворился одним только кратким упоминанием о них и не позаботился противопоставить злу более крепкий оплот. Может быть, вредные мнения, прикрываемые благовидным уважением к молитве, равно как и другие заблуждения еретические, врачевались заботливостью Ефрема дать ей верное направление и усилить собственно молитву церковную.

Как и святители Василий Великий в Кесарии и Иоанн Златоуст в Константинополе, преподобный Ефрем Сирин, соображаясь с потребностями времени, упорядочивал богослужение церковное в Эдессе. Он не коснулся литургии, как эти святители, – может быть, потому, что был простым иноком. Но он обогатил прочие части богослужения церковного своими песнопениями. По свидетельству сирийского жизнеописателя, он написал стихами для своей Церкви песнопения на дни великих праздников Господних: Рождества, Крещения, Воскресения и Вознесения Христова, на воспоминание страданий и крестной смерти Спасителя и в прославление других дел Домостроительства нашего спасения, а также о покаянии, на погребение умерших и на дни мучеников²⁴. В этих песнопениях ясно раскрывалось значение воспоминаемых событий и отношение их к нашему спасению и таким образом отражались ложные мудрования еретиков.

Чтобы более расположить жителей Эдессы к посещению храмов, для которых назначались эти песнопения, преподобный Ефрем призвал к их исполнению дев, посвятивших себя Богу, и сам обучал их напевам, по которым надлежало петь. Его предприятие увенчалось успехом. Увлеченные еретическими заблуждениями начали оставлять свои сборища и посещать церковные собрания.

Так ревностный инок поражал врагов истины и приобретал Церкви послушных чад веры. Когда дело шло о пользе Церкви, он не оставлял без внимания никаких ее требований. Вардесан препирался с астрологами халдейскими. Его труд во многом заслуживал одобрения; он вскоре сделался известным на греческом языке, и словами его пользовались учителя Церкви для опровержения того же заблуждения. Но суеверие еще держалось. Преподобный Ефрем в

²² «Против пытливых исследователей».

²³ См.: «Против еретиков».

²⁴ На дни мучеников, по свидетельству сирийского жизнеописателя, написаны стихотворения в честь матери маккавейских мучеников Соломонии и ее семи сыновей, а также на память эдесских мучеников Гурия Самона и Авива.

десяти песнопениях представил нелепость учения, которым отрицалась нравственная свобода человека и вся судьба его подчинялась влиянию звезд.

Примечая в иудеях надежды на восстановление святилища в Иерусалиме и возвращение рассеянных чад Израиля в свою землю, может быть, в то время, когда начал благоприятствовать им враг христианства Юлиан Отступник, преподобный Ефрем обширным стихотворением надень Входа Господня в Иерусалим напомнил им о древних пророчествах, которые возвещали пришествие Царя Израилева и, исполнившись на Иисусе Назарянине, не оставляли места ожиданиям иного Избавителя. Своей борьбой с заблуждениями разного рода преподобный Ефрем, наконец, до того раздражил противников истины, что однажды, вооружившись камнями, они напали на него посреди города и оставили его едва живым. Но это не помешало ревностному проповеднику истины, удалившись в свою пещеру, оттуда поражать их своим обличительным словом²⁵.

Желая оставить Церкви и после кончины своей живых проповедников истины, преподобный Ефрем собрал к себе учеников, которых наставлял своим примером и словом. Из числа этих учеников известны Зиновий, диакон Эдесской Церкви, Симеон, Мара Агелийский, Авраам, Исаак, Валеи и другие²⁶. Они занимались изъяснением

Священного Писания и подражали своему наставнику в стихотворных произведениях. «Ученики Ефрема, – сказано в одном житии его на сирийском языке, – по данной им премудрости, писали свои слова и толкования и, просвещаемые светом Божественным, многим открыли свет истины и путь к вечному спасению»²⁷. «Эти ученики вместе с другими учениками, коих Ефрем имел много, составили школу в Эдессе», – сказано в другом сирийском жизнеописании. Училище эдесское, основанное Ефремом, долгое время процветало и после его кончины, доставляя образование не только своей стране, но и христианам Персии и Армении.

Так слава Церкви Эдесской неразрывно соединена со славой имени Ефрема. Эдесса была одним из тех городов, благочестие которых не поколебалось даже во время правления Юлиана Отступника. Во время своего похода против персов, проходя через Месопотамию, он оставил в стороне этот город, как цветущий благочестием. Однако же он не утерпел, чтобы не выразить жителям Одессы всей ненависти своей к их верности православию, когда представился для этого случай. Последователи Валентина, вероятно из школы Вардесановой, принесли ему жалобу на оскорбление от эдесских христиан. Юлиан, пользуясь этим случаем, приказал отобрать у Одесской Церкви сокровища, а недвижимую собственность, ей принадлежавшую, отписать на себя. При этом он не позабыл присовокупить обыкновенной своей насмешки над блаженством нищеты евангельской.

Сколь ни были очевидны духовные дарования Ефрема, его подвиги иноческие и заслуги перед Церковью, но, считая себя меньшим всех, Ефрем хотел увидеть великих пустынножителей Египта, откуда распространилось монашество повсюду, и посетить великого архипастыря Каппадокийского Василия, заботы которого об умиротворении Церквей Восточных касались и Месопотамии.

Ревнители благочестия находили в перенесении трудов и опасностей странствования подвиг, а в беседах и жизни мужей опытных – назидание. Вот почему Василий Великий посещал египетских пустынников, а также живших в Палестине, Келесирии и Месопотамии, когда

²⁵ Сирийское жизнеописание преподобного Ефрема рассказывает об этом так. Один пустынный, просвещенный Духом Святым, увидев святого Ефрема в городе, последовал за ним, громко зывая: «Сей есть *лопата в руке* Господа, которым *Он очистит* все *гумно Свое* (Мф. 3, 12) от плевел ересей; он есть тот огонь, о котором сказал Господь наш: *Огонь пришел Я низвести на землю* (Лк. 12, 49)!» Слыша это, первейшие граждане Эдессы – еретики, язычники и иудеи – вывели его из города и побили камнями.

²⁶ историк Созомен. Тот же Созомен и сирийское «Завещание» называют еще двух учеников: Павлина, или Павл она, и Аврита (Арвида), или Арната, которые хотя и славились красноречием, но не сохранили в чистоте веру православную.

²⁷ Исааку приписывается сочинение «О трех Лицах Святой Троицы и о воплощении Господнем», Валеи известен своими псалмопениями, Зиновий писал против Маркиона и других лжеучителей.

сам решил посвятить себя жизни иноческой. И в своем благочестивом странствовании он везде находил много людей, которые самым делом показывали, что носят в теле своем мертвость Господа Иисуса. С таким же намерением отправился в Египет и отшельник месопотамский, уже после многих лет строгого подвижничества в Низии и Эдессе. Взяв с собой ученика, умевшего говорить по-гречески, он достиг берегов Средиземного моря и сел на корабль. Его твердая вера и упование на силу Божию избавили его и плывших с ним от опасности потопления во время сильной бури, которую святой Ефрем укротил своей молитвой.

Гора Нитрийская приняла его как давно ожидаемого гостя. Сирийские жизнеописания преподобного Ефрема согласно повествуют о его пустынножительстве с египетскими отшельниками в течение восьми лет, о его спорах с арианами, об исцелении некоего бесноватого монаха и о написании им в Египетской пустыне многих книг. Сирийский жизнеописатель упоминает о свидании здесь преподобного Ефрема с богоизбранным иноком Паисием, а египетский жизнеописатель преподобного Паисия, Иоанн Колов, сам бывший некоторое время его сподвижником, описывает это свидание, не называя сирийского посетителя, но так его изображает, что нельзя не узнать в нем Ефрема²⁸. Передадим этот рассказ полностью.

В Сирии жил один великий между подвижниками отец, украшенный различными добродетелями. Однажды во время молитвы пришла ему мысль узнать, кому из угодивших Богу он подобен. Занятый этой мыслью, он услышал Божественный голос, который сказал ему: «Иди в Египет – там найдешь человека по имени Паисий, который, подобно тебе, имеет смиренномудрие и любовь к Богу». Услышав это, старец немедленно, не обращая внимания на дальность расстояния и трудности пути, отправился в дорогу и поспешно пошел из Сирии в Египет. Достигнув горы Нитрийской, старец спрашивал, где живет Паисий, и так как имя Паисия было всем известно, то вскоре он узнал место его жительства.

Божественной благодатью возведено было и Паисию о прибытии старца. Встретившись в пустыне, старцы с любовью обнялись и целовали друг друга целованием святым о Господе. Войдя в келью Паисия и сотворив молитву, они сели. Не зная египетского языка, старец начал беседовать со святым Паисием на сирийском языке через переводчика. Египтянин Паисий весьма скорбел о том, что не знал сирийского языка, ибо не хотел потерять ни одного полезного слова старца. Возведя очи свои к небу, устремив ум к Богу и из глубины души вздохнув, Паисий сказал: «Сыне Божий, Слове! Дай мне, рабу Твоему, силу понимать слово этого святого старца!» Едва сказал он это в уме своем, как тотчас стал понимать сирийскую речь старца и сам, научаемый Духом Божиим, начал говорить на сирийском языке. После этого старцы наслаждались богодухновенной беседой без переводчика, рассказывая друг другу, что, по откровению Божию, каждый научился делать и каких кто из них сподобился от Бога дарований.

В таких беседах провели они шесть дней, насыщаясь духовной сладостью и веселясь о Боге, Спасителе своем. По окончании душеспасительных бесед, когда старец хотел отправиться домой, святой Паисий, созвав всех учеников своих, при нем находившихся, сказал: «Возлюбленные дети! Вот муж преподобный, совершенный в добродетелях, исполненный благодати Святого Духа. Примите от него благословение и молитву в защищение себя от всех нападения вражиих».

По слову святого старца все ученики, сотворив поклон преподобному старцу, начали принимать от него благословение. Старец, помолившись Богу об учениках Паисия, облобызав святого Паисия и всем поклонившись, отправился в свою страну.

Вскоре после отшествия его пришел к святому Паисию один брат из числа отшельников. Ученики Паисия сказали ему: «Был у нас здесь человек Божий, сириянин, старец великий

²⁸ Житие преподобного Паисия Великого, написанное Иоанном Кодовым, помещено почти без всяких изменений в Четвѣй Минее под 19 июня. Преподобный Паисий Великий был учеником святого преподобного Памвы. О святом Памве и Иоанне Колове см.: «Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов».

между отцами, просвещенный умом и сердцем, душеспасительными словами весьма укрепивший нас; ныне он ушел в свою страну. Если хочешь получить от него благословение, то можешь догнать его, потому что он еще недалеко ушел». Брат этот хотел тотчас же бежать за старцем, но святой Паисий сказал ему: «Не ходи, потому что преподобный несется в свою страну на облаках и прошел уже более семидесяти поприщ». Все удивились словам старца и прославили Бога, дивного во святых Своих.

Преподобный Ефрем посещал и других подвижников египетских и оставил о себе память в сердцах их, как о муже богопросвещенном, а сам вынес отсюда для себя и для своей братии поучительные уроки о жизни и правилах великих подвижников египетских, как скончавшихся, так и еще находившихся в живых²⁹. На обратном пути из Египта Ефрем вознамерился посетить Кесарию Каппадокийскую, чтобы увидеть архиепископа ее Василия, духовное величие которого, согласно некоторым жизнеописаниям святого Ефрема, было открыто ему в чудесном видении огненного столпа, вершина которого достигала неба³⁰.

Имя Василия давно уже сделалось известным между врагами и защитниками православия. Его просветительская работа, которую он посвятил распространению веры

Христовой, его книги против Евномия, его управление делами Кесарийской Церкви еще в сане пресвитера, его старания об умиротворении Церквей Восточных и сношения с епископами восточными по вступлении на архиепископский престол в 370 году, его дружеское отношение к святому Евсевию, епископу Самосатскому, епархия которого была смежной с Месопотамией и которого Василий, по временам, посещал, его строгая подвижническая жизнь, заботливость о распространении монашества в Понте и Каппадокии и правила, данные им инокам, – все это могло возбудить в Ефреме, также защитнике православия от ариан, ревнители мира церковного и строгом иноке, сильное желание увидеть великого архипастыря. В то время когда Ефрем прибыл в Кесарию, имя Василия покрылось новой славой, так как покровители арианства ни лстивыми предложениями, ни угрозами, ни прениями не могли поколебать твердости Василия, а сам Валент только в молитвах Василия искал спасения своему умирающему сыну. (Это было в начале 372 года.) Таким

образом Василий не только сохранил Каппадокию от влияния арианства, но и сильнее мог действовать в поддержку православия в других странах. Уже многие епископы Востока дали ему согласие на то, чтобы войти в сношение с Западными Церквями и просить у них помощи: в их числе были и епископы Месопотамские Варса Эдесский, Вит Каррский, Авраам Ватнийский.

Свое свидание с архиепископом Кесарийским Ефрем изобразил потом в похвальной песне Василию, которая могла иметь целью не только прославить его высокие достоинства, но и укрепить союз с ним, как с мужем богопросвещенным, приверженцев православия. Заимствуем некоторые черты из этого песнопения.

Первое свидание Ефрема с Василием было в храме. Сравнивая виденное здесь с видением, бывшим апостолу Петру в Иоппии, когда увидел он *сходящий к нему некоторый сосуд, как бы большое полотно* (Деян. 10, 11), Ефрем говорит: «Когда Господь умилился надо мной, явив милость Свою, услышал я голос: “Встань,

Ефрем, и ешь мысленные снеди”. – “Откуда возьму, что есть мне, Господи?” И сказал мне: “Вот в дому Моем царский сосуд (ВааіХіхöv) преподаст тебе снесь”. Весьма удивившись сказанному, я встал и вступил во храм Всевышнего. Тихо войдя на церковный двор и с сильным желанием устремив взоры в преддверие, увидел я во Святая святых сосуд избранный, светло

---

²⁹ См. краткие известия о нем, помещенные между сказаниями о подвижниках египетских в «Достопамятных сказаниях о подвижничестве святых и блаженных отцов». Между сочинениями Ефрема есть беседы, в некоторых рукописях надписанные так: «К монахам египетским».

³⁰ Путешествие это, очевидно, не могло состояться раньше 370 года, когда святитель Василий Великий был возведен в сан епископа.

простертый перед паствою, изукрашенный боголепными словесами, и очи всех были обращены к нему».

Василий тогда предлагал поучение. «По окончании наставления извещен он был обо мне Духом Святым и, призвав к себе мою худость, спрашивал через переводчика, говоря мне: “Ты ли Ефрем, прекрасно преклонивший выю и взявший на себя иго спасительного слова?” И сказал я в ответ: “Я – Ефрем, который сам себе препятствует идти небесной стезей”. Тогда, обняв меня, этот дивный муж напечатлел на мне святое лобзание свое. Предложил и трапезу из снедаемого мудрой, святой и верной его душой, – приготовленную не из тленных яств, но наполненную нетленными мыслями. Ибо рассуждал он о том, какими добрыми делами можем мы умили- стивить к себе Господа, как отражать нам нашествия грехов, как преграждать входы страстям, как приобрести апостольскую добродетель, как умоли-ть неподкупного Судию. И я, заплакав, возопил и сказал: “Ты, отче, будь хранителем для меня, расслабленного и ленивого. Ты наставь меня на правую стезю, ты приведи в сокрушение окаменелое сердце мое. Перед тобой поверг меня Бог духов, чтобы ты врачевал душу мою!”»

Впрочем, вначале эта встреча не обошлась без некоторых сомнений со стороны святого Ефрема, о которых рассказывают некоторые его жизнеописатели. Еще только войдя в храм и увидев святителя Василия в великолепном облачении и окруженного клиром, святой Ефрем сказал своему спутнику, переводчику: «Думаю, брат, мы предпринимали напрасный труд, идя сюда: невозможно, чтобы окруженный таким великолепием был тот, которого я созерцал под видом огненного столпа от земли до неба». Не понимая значения этого великолепия, святой Ефрем стоял в недоумении и опять повторил переводчику: «Бесполезно, брат, мы пришли сюда, перенеся труды и зной дневной, ибо человек, окруженный таким блеском и пышностью, может ли быть тем огненным столпом, который я видел?»

Пока преподобный Ефрем так раздумывал и недоумевал, святитель Василий взойшел на кафедру и начал объяснять народу Священные Книги. Святой Ефрем, хотя и не понимал греческой речи, но увидел Святого Духа, говорившего устами великого проповедника. В похвале святителя Григория Нисского об этом сказано так: «Созерцательным оком души он видел блистающего светом голубя, сидящего на правом плече его и сообщающего ему слова учения, которые проповедник передавал народу. От этого Божественного голубя он и узнал о пришествии Ефрема, и о том, что он был сирийцем».

Лишь после этого святой Ефрем узнал того, кто ранее был открыт ему в виде огненного столпа, и громким голосом стал выражать проповеднику свое одобрение. Этим он обратил на себя внимание святителя

Василия, который спросил его, как может он одобрять его греческую проповедь, не понимая ее. На это святой Ефрем сообщил ему о видении им Святого Духа. В свою очередь святитель Василий поведал своим ученикам (уже после разлучения со святым Ефремом), что он видел Ефрема, стоящего в церкви, а по правую и левую сторону его находились два ангела в блестящих, как молния, одеяниях.

Вслед за этим святой Ефрем описывает, как святитель Василий беседовал с ним о страдальческом подвиге Сорока севасти-йских мучеников и как эта беседа исполнила его душу ревностью о благочестии. Предоставляя другому времени прославление их страданий и мужества, Ефрем переходит к сравнению собственного подвига Василия в борьбе против ариан с подвигом мученическим, описывает чудесное исцеление Василием сына Валента Галата и трехкратное сокрушение трости в руке императора, когда хотел он подписать приговор о ссылке Василия в заточение. Понятно, какие чувства должна была внушить такая песнь всем, искавшим в Василии опоры своей вере!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.